

Прибалтийско- финские народы России

Ответственные редакторы:

Е. И. КЛЕМЕНТЬЕВ, Н. В. ШЛЫГИНА

Кр III 1366808

МОСКВА
НАУКА
2003

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

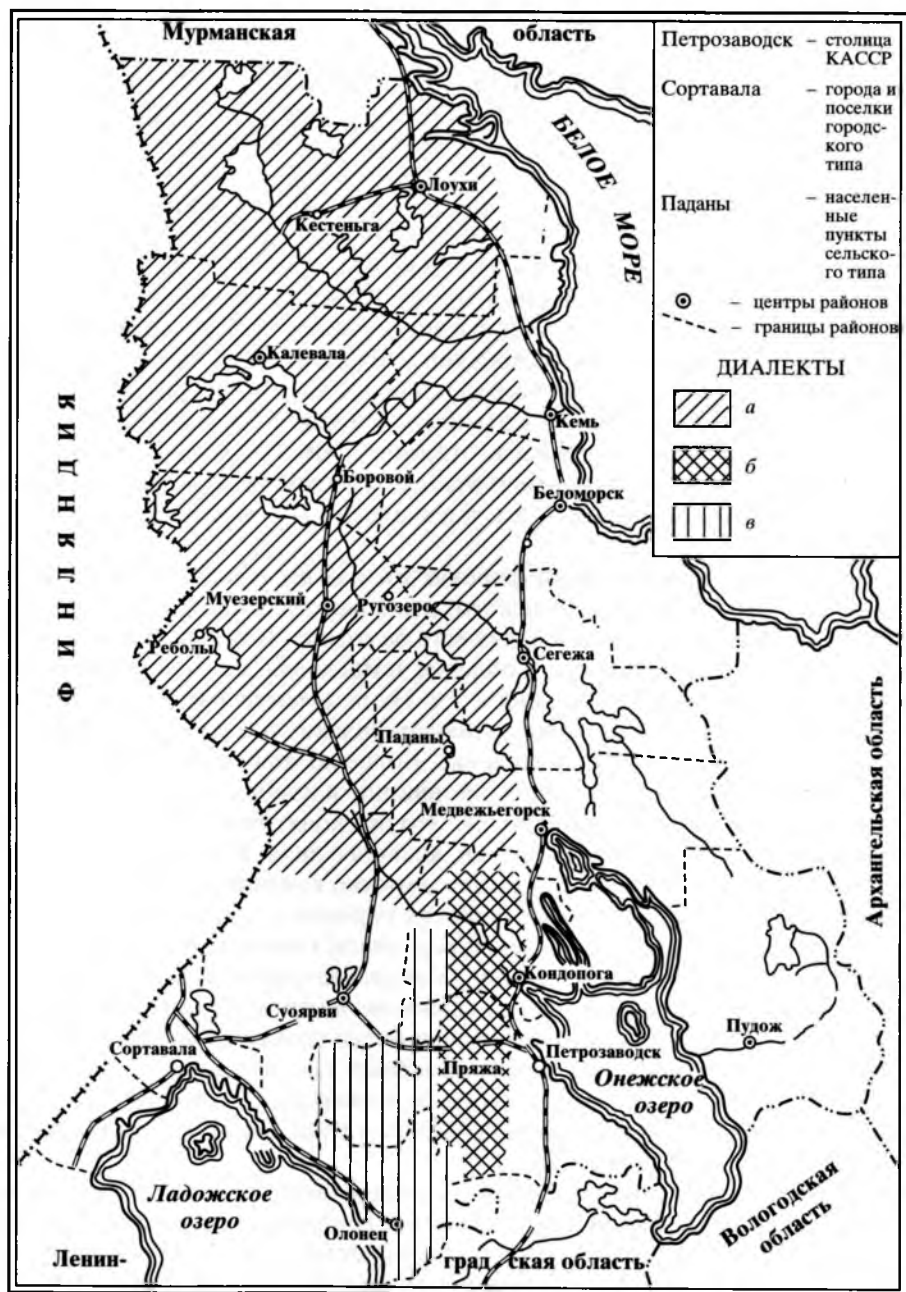
КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ

Язык карел входит в прибалтийско-финскую группу уральской языковой семьи. Видный эстонский языковед П. Аристэ считал, что в результате произошедшего примерно во II тысячелетии до н.э. распада древнего прибалтийско-финского праязыка постепенно сложилось пять племенных языков (ливский, южный и северный эстонский, карельский и вепсский). Их формирование, в том числе и карельского, он относит к концу I тысячелетия до н.э. или к первой половине I тысячелетия н.э. (Аристэ, 1956. С. 15, 21–22). Также и по мнению Д.В. Бубриха формирование отдельных племенных объединений прибалтийских финнов завершилось в I тысячелетии н.э. или несколько раньше (Бубрих, 1947; 1948).

В современных прибалтийско-финских языках исследователи обнаруживают следы индоевропейского (иранского) языкового влияния, весьма древнего. Во всех прибалтийско-финских языках есть балтские (летто-литовские) заимствования, относящиеся к лексике в области земледелия, скотоводства, общественного строя, семейных отношений и т.д. Их появление языковеды датируют II тысячелетием до н.э., когда прибалтийско-финские и балтские племена пришли в непосредственное соприкосновение. Более поздними в карельском языке являются германские заимствования, проникшие в прибалтийско-финские языки, как считалось в I тысячелетии до н.э. Это ряд понятий из сферы земледелия, животноводства, мореходства, торговли, военного дела. К концу I тысячелетия до н.э. относятся, вероятно, и карельско-саамские контакты. Установление постоянных контактов прибалтийско-финских народов с древнеславянским населением языковеды датируют примерно серединой I тысячелетия н.э., хотя отдельные слова, заимствованные от западных славян (район р. Вислы), проникли в прибалтийско-финскую речь уже в I тысячелетии до н.э. В карельском языке, особенно в южных диалектах, славянские и более поздние лексические заимствования из русского языка составляют заметный языковой пласт, свидетельствующий о давних и тесных связях карел со славянским миром (Бубрих, 1947). Начиная с раннего средневековья (с XI–XII вв.) карельские языковые связи со славянами неуклонно расширялись.

В настоящее время в карельском языке выделяются 3 диалекта – собственно-карельский, ливиковский и людиковский. Напрямую связывать язык древнего племени корела с тремя ныне существующими диалектами карельского языка было бы неправомерным. Формирование диалектов отражает непростые процессы становления и развития карельского этноса, взаимодействие языков древней корелы и древней веси, древних карел и саамов (лопи русских летописей), а также волнообразных и разновременных миграций, затянувшихся вплоть до XIX столетия. При этом диалекты карельского языка формировались в течение XII–XVII вв. и “являются относительно поздними образованиями” (Баранцев, 1976).

В формировании карельского народа участвовал, без сомнения, вепсский этнический компонент и современный карельский язык складывался в процессе взаимодействия языков этих двух племен (Бубрих, 1948. С. 46).

Карта 8. Диалектные группы карел Карелии (составлена В.А. Базегским)
 Диалекты: а – собственно-карельский, б – людиковский, в – ливвиковский

Начальный период сложения двух этнических групп карел – ливвиков и людиков и их языков Д.В. Бубрих относит к XII в., связывая это с миграцией карел, с одной стороны, на Олонецкий перешеек, заселенный вепсами, и с другой – колонизацией вепсами и карелами территории от Святозерских озер вплоть до северной оконечности Онежского озера. В языковом отношении процесс “сплав-

ления” корелы и веси выразился в том, что речь карел Олонецкого перешейка по множеству признаков стала близкой к вепсской речи, а в Прионежье она отличается от вепсской речи вообще незначительно (*Бубрих*, 1947). Общепризнанно, что и ливвиковский и людиковский диалекты карельского языка имеют вепскую основу, причем в ливвиковском диалекте влияние вепсской речи менее ощутимо, чем в людиковском. Исследователи этот факт оценивают по-разному. Так, А.А. Беляков считал, что там, где население племени веси было количественно большим, сложился людиковский диалект, а где оно было меньшим, – ливвиковский диалект (*Беляков*, 1958). Другие исследователи говорят о равномерном сплаве в речи карел-людиков вепских и карельских черт (*Баранцев*, 1976. С. 89). Некоторые финские исследователи вообще не включают людиковские говоры в состав карельских диалектов и относят людиков просто к вепсам (*Virtaranta*, 1968. S. LXIX).

Собственно-карельский диалект подразделяется на две группы говоров: южную и северную. Формирование собственно-карельского диалекта происходило сложно. По диалектологическим данным в средней и северной Карелии прослеживаются три значимые миграционные волны корелы: первая – территориально распространившаяся от р. Суна до оз. Сегозеро, вторая продвинулась затем от Сегозера до оз. Ондозера и оттуда до нижнего течения р. Кеми. Третья большая переселенческая волна (XVII в.) в среднюю и северную Карелию в языковом отношении интересна тем, что там до сих пор диалект сохраняет близкое сходство с речью древней корелы. Наряду с этим происходили и менее массивные переселения. Так, после реформы местного самоуправления в Карельском уезде в 1556 г. компактные группы карел стали покидать Приладожье и переселяться на западные земли современной средней Карелии, в район Ребол и севернее. К концу 1670-х годов Ребольский погост, например, “превратился в заметно более населенную территорию, чем остальные Лопские погосты” (*Чернякова*, 1998 б. С. 33). Наконец, в XVIII в. на территорию Карелии произошло переселение из Финляндии прибогтийских карел, большая часть которых расселилась в современном Калевальском районе. Их речь схожа с речью карел, мигрировавших в среднюю и северную Карелию в XVI–XVII вв., но имеет существенные особенности вследствие длительного проживания на территории современной Финляндии и систематических контактов с финнами. Несмотря на наличие значительных черт сходства севернокарельского говора с финским языком, язык северных карел не может быть прямо выведен из восточнофинских диалектов и относится исследователями к собственно-карельскому диалекту (*Бубрих*, 1948. С. 47).

Наряду с внутренней миграцией, шедшей на территории современной Карелии, известна и массовая миграция карел за ее пределы, а именно – их исход во второй половине XVII в. с территории, отошедшей Швеции, в Россию.

Сложившиеся в ходе этого переселения группы новгородских и тверских карел говорят на собственно-карельском диалекте, но их говоры имеют и локальные отличия. У карел Верхневолжья выделяются три локальные языковые группы: козловско-рамешковская, весьегонская и зубцовская (дёржинская). В конце XIX в. основным ареалом козловско-рамешковского говора была пограничная часть Вышневолоцкого, Бежецкого, Новоторжского и Тверского уездов. Весьегонский был распространен в центральной и юго-восточной части Весьегонского уезда, а зубцовский – на юге Тверской губернии (*Жербин*, 1956; *Фишман*, 1987; *Воскресенская*, 1997).

Характерно, что у различных диалектных групп и даже некоторых говоров карел есть отличия и в самоназвании. Носитель собственно-карельского диале-

кта называет себя карьялани – *karjalani* (мн. ч. – *karjalazet, karjalaizet, karjalažet*). Карелы юго-восточной части Сегозерья, т.е. в ареале собственно-карельского диалекта (деревни Остречье, Чебино, Покровское, Мяндусельга и др.), по-русски называют себя карелами, но по-карельски именуют себя “лаппи”, “лаппа-лайсет”, и говорят они, по их мнению, “по-лопарски”. В центральной части Сегозерья этноним “карелы” и название языка совпадают. Еще севернее, например, в д. Ондозеро, население до сих пор помнит, что когда-то их и они сами себя называли лопарями, но здесь всегда говорили только по-карельски. Но древний саамский (лопарский) след сохранился в этих краях, например, в названиях болот, пожней и т.д. При этом своих южных соседей (карел-людиков, а также карел-ливвиков) жители Сегозерья вплоть до настоящего времени называют “вепся” (Духовная культура..., 1980. С. 4).

Карел-ливвик в настоящее время, наряду с общим этнонимом *karjalane*, называет себя и просто ливвиком (мн. ч. – *livgildizet, livviköit*), т.е. свою этническую принадлежность тесно связывает с диалектом, на котором говорит. Это характерно для карел Олонецкого и значительной части Пряжинского районов Карелии, а также карел Ленинградской области (кондушские карелы).

Карелы, говорящие на людиковском диалекте карельского языка, также сохраняют два самоназвания: общий для карел – *karjalane* и языковой – людик.

О происхождении этнонима “карел” существует несколько гипотез. Так, некоторые лингвисты полагают, что слово “карелы” восходит к летто-литовскому слову *garia*, означавшему “лесная или горная страна”. В процессе языковых изменений *g* перешло в *k* и к новому слову *karja* прибавился суффикс *-la*, который выражает место. В последующем название территории стало этнонимом народа (Бубрих, 1947). Существует также версия, что термин *karjalane* связан с понятием *karja* – стадо (Фасмер, 1967. Т. II. С. 325; SKES. XII. Т. I. 1981. S. 163).

Все три карельских диалекта различаются между собой по конечной огласовке двусложных (и некоторых многосложных) слов с древней основой на *a/ä*: так ольха – с.-к. – *leppä*, ливв. – *leppu*, люд. – *leppe*; жена, женщина – с.-к. – *akka*, ливв. – *akku*, люд. – *akke, akk*. Данный фонетический сдвиг прослеживается и в падежном показателе эссива, а также в глагольных личных окончаниях. В собственно-карельском диалекте согласным *š(ž)*, если они находятся в позиции после *i*, соответствует *s(z)*, в ливвиковском и людиковском диалектах – *š(ž)* (игра – с.-к. – *kiza*, ливв., люд. – *kiža*; веять – с.-к. – *vissata*, ливв., люд. – *viškata*). В людиковском диалекте чередование ступеней согласных в основном распространяется только на взрывные геминаты *k, p, t, č*. В собственно-карельском диалекте чередованием ступеней согласных охвачены и сочетания взрывных *sk, st, tk, ht* и частично *hk*, в то время как в ливвиковском и людиковском диалектах они вне чередования (с.-к. – *leški – ležen*, ливв. – *leski – lesken*, люд. – *lesk – lesken*). В собственно-карельском и ливвиковском диалектах 1-й инфинитив у глаголов маркируется суффиксом *-a/ä*, в людиковском – *-da/dä* (сказать – с.-к. – *šanua*, ливв. – *sanua*, люд. – *sanoda*).

На морфологическом уровне людиковский диалект отличается от первых двух наличием начинательной глагольной формы на *-ška, -škaze* (люд. – *savudaškaž* – ‘начала дымить’). По-разному образуются в диалектах возвратные глагольные формы: у собственно-карел употребляется суффикс *-če* (сидиться – *istuočče*), у людиков *-zu* (*istezuda*), у ливвиков *-vu* (*istovuua*).

Между диалектами существуют и лексические различия. Так, “крыша” у собственно-карел – *katto, katoš*, у ливвиков – *levo*, у людиков – *kroul*; “борона” у собственно карел – *hara*, у ливвиков – *astavu*, у людиков – *ägeh*.

Со временем фонологическая система карельского языка значительно удалась от прибалтийско-финской системы. Большинство древних долгих гласных первого слога слова перешли в дифтонги: *aa* > *oa*, *ia*, *ja* (земля – *maa* – *moa*, *tuia*, *tjia*); *oo* > *uo* (молодой – *nuori*), *ee* > *ie*, *iä* (маленький – *pieni*); *öö* > *üö* (пояс – *vöö*); *ää* > *iä*, *ie*, *eä*, (голова – *pie*, *piä*). Из древних долгих гласных сохранились в первом слоге лишь *ii* (зубец – *pii*), *ui* (дерево – *puu*), *yu* (рябчик – *pyu*).

В результате выпадения интервокальных согласных и стяжения гласных в собственно-карельском и ливвиковском диалектах образовались дифтонги и долгие гласные: *muata*, *maata* < *magata* ('спать'), *kaštiella* < *kastegel* ('по росе'), *andua*, *andaa* < *andada* ('дать'). Пополнился инвентарь звуков – появились *b*, *d*, *g*, *dž*.

В некоторых северных говорах звонких взрывных вообще нет, в то время как в других диалектах звонкие и глухие взрывные противостоят друг другу. По сравнению с другими родственными языками произошел переход *s*, *z* в *š*, *ž*. В некоторых случаях сузилось, в других расширилось чередование ступеней согласных, за исключением калевальских говоров произошло также смягчение согласных.

Для людиковского и некоторых говоров собственно-карельского и ливвиковского диалектов характерны сочетания из трех гласных, т.е. трифтонги (спит – *maguai*, такой – *muguoine*).

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В карельском языке главное ударение в исконных словах падает на первый слог. Для карельского языка характерна гармония гласных: если в первом слоге слова выступает гласный переднего ряда (*ä*, *ö*, *y*), то и в последующих слогах могут выступать гласные лишь того же ряда, и, наоборот, при задних гласных (*a*, *o*, *u*) в первом слоге в последующих слогах выступают гласные только заднего ряда; *i* и *e* в отношении гармонии гласных нейтральны. В сложных словах каждый компонент гармонизирует как изолированное слово.

Словообразующим элементом могут быть гласный, долгий гласный, дифтонг или трифтонг, количество слогов в слове идентично количеству гласных или дифтонгов и трифтонгов ('мелкий' – *ma-da-la*; 'мы копали' – *kaivoim-ma*, 'такой' – *tu-guoi-ne*). При сочетаниях согласных внутри слова слоговое деление проходит перед последним согласным: 'борода' – *par-da*, 'верста' – *virš-ta*. Противопоставление долгих гласных кратким ('ветер' – *tuuli*, 'огонь' – *tuli*), а в некоторых диалектах кратких (одиначных) взрывных согласных долгим (геминатам) ('неурожай' – *kato*, 'крыша' – *katto*) имеет фонологическое значение.

Корневая морфема карельского языка характеризуется сложностью изменяемости. Все слова имеют корни на гласный, но определенная группа слов и на согласный (так называемые двусосновные слова): 'мох' – *šammale-n* (гетив, ед. ч.) – *šammal-da* (партитив, ед. ч.). Многообразие видов корневых морфем обуславливается альтернативой согласных внутри морфемы, чередованием гласных, переходом гласной в исходе морфемы при присоединении того или иного суффикса, переходом гласной в исходе морфемы в состав суффикса, выпадением суффикса. Альтернатива в словах с согласными, охваченными чередованием, выступает как обязательное средство для образования той или иной формы. Образование именных падежных форм реализуется употреблением сильной гласной основы (иллатив, ед. ч. – *vede-h*), согласной основы (партитив, ед. ч. – *vettä*), основы множественного числа (партитив, мн. ч. – *vezi-e*, *vezilöidä*).

Для карельского языка характерно чередование ступеней согласных внутри корневой части (радикальное чередование). Чередованием охвачены *k, p, r, t, t', č, g, d, b, ž* и их сочетания с другими согласными. Чередования могут быть количественными (во всех диалектах) и качественными (в собственно-карельском и ливвиковском диалектах). Количественными чередованиями охвачены *kk/k, pp/p, tt/t, t't'/t', čč/č, rr/r, ss/s, šš/š*. Например: *pakkuan* – ‘я прошу’, *pakota* – ‘просить’; *leppä* – ‘ольха’, *lepän* – ‘ольхи’ (генетив, ед. ч.); *katto* – ‘крыша’, *katon* – ‘крыши’ (генетив, ед. ч.).

По морфологическому типу карельский язык исконно агглюнативный. Однако в силу происшедших в нем изменений большую роль играет и флексия. Весьма широко представлены также аналитические способы выражения грамматических значений (сложные глагольные времена, послеложные конструкции, степени сравнения).

Категории слов в карельском языке разграничены довольно четко. Однако былая зыбкость границ, близость частей речи между собой прослеживаются и в настоящее время. Так, наблюдается совпадение основ непроезжих глаголов и имен (сохнуть – *kuivua*, основа – *kuiva* и прилагательное – *kuiva*, т.е. сухой). Неточность границ наблюдается и между существительными и прилагательными (‘холод’ – *vilu*, ‘холодная погода’ – *vilu šia*).

Из грамматических значений категориальное выражение получили число, падежность, степени сравнения, время, модальность и остаточное – посессивность.

В карельском языке нет рода. В местоименной сфере прослеживается противопоставление одушевленного и неодушевленного. В первом случае употребляется вопросительное местоимение кто? – *ken?*, во втором – что? – *mi?* Личные местоимения 3-го лица, ед. ч. он, она – *hiän* (*hdi, hiä*) относятся только к одушевленному объекту.

Грамматическое число имеет 2 формы – единственную и множественную. Показателем множественного числа выступают окончания *-t, -i, -loi/löi*. Показатель *-t* употребляется для имен в номинативе (*kylät* – ‘деревни’, *pimiet* – ‘темные’, *kahet* – ‘двое’). Формант *-i* выступает в косвенных падежах у двусложных имен с основой на *a/ä*, а также у имен на согласную основу (‘творог’ – *rahka*; партитив, мн. ч. – *rahkoi*), *-loi/löi* у односложных (*vüdlöi, suoloi*) и части дву- и многосложных (*meččoloi*). Некоторые имена существительные имеют только форму множественного числа, например, обозначающие предметы, состоящие из сложных составных частей (*länget* – ‘хомут’, *keriččimet* – ‘ножницы’).

Противопоставление форм единственного и множественного числа последовательно прослеживается и в глагольной форме, где единственность/множественность выражается лично-числовыми показателями. Имперсональные глаголы имеют форму только единственного числа, совпадающую с формой 3-го лица ед. ч. презенса в индикативе (*pakaštai* – морозит).

Пространственно-временные отношения, посессивность, состояние, мера и степень, цель и причина, способ, орудийность, совместность и другие действия выражаются с помощью падежных формантов. Расширению падежных значений служат предлоги и послелог, из них некоторые имеют относительно застывшие падежные форманты: например “у” – *luo*, “к” – *luoh*, “около” – *luona*.

Грамматическое лицо в карельском языке выражается личными местоимениями, у глаголов – лично-числовыми окончаниями, а в именной сфере в отдельных говорах личной притяжательной суффиксацией. В личном спряжении противопоставляются формы 1-, 2-, 3-го лица глаголов. Так называемые глагольные формы 3-го лица мн. ч. традиционно рассматриваются как пассивные,

употребляются в значении форм 3-го лица мн. ч. ('они возьмут' – *otetah*; *otettih* – 'они взяли'), а также в неопределенно-личной (возьмут – *otetah*, *otettih* – взяли), но не в значении пассива.

Средствами выражения пространственной ориентации служат прежде всего указательные местоимения, местоименные наречия.

В глагольной сфере отрицание выражается аналитически: личными формами отрицательного вспомогательного глагола и неличными формами смыслового глагола. Ни залоговой, ни видовой категории в карельском языке нет. Залоговые значения (причинность, возвратность и т.д.) передаются при помощи суффиксов отглагольного словообразования залоговой направленности: видовые значения (количественная характеристика действия) – суффиксами отглагольного словообразования видовой направленности. Модальные значения в глаголе выражаются формами четырех наклонений: индикативом, потенциалом, кондиционалом и императивом.

В карельском языке выделяются знаменательные части речи. К первой группе их относятся существительные, изменяющиеся по падежам и числам (некоторые существительные имеют и степени сравнения), имена прилагательные, изменяющиеся по падежам, числам и степеням сравнения, имена числительные и местоимения, изменяющиеся по падежам, числам, глагол, имеющий формы спряжения (наклонение, время, лицо, число), наречия (часть из них имеет формы степеней сравнения). Ко второй группе – служебных (неизменяемых) слов относятся предлоги/послелоги, союзы, частицы. В третью группу входят междометия.

Падеж маркируется падежным суффиксом, при присоединении которого в основе имени могут происходить звуковые изменения. В карельском языке можно выделить 15 падежей, хотя не во всех диалектах они употребляются в равной мере. В числе их эссив, транслатив, инессив, элатив, иллатив, адессив, аллатив, аблатив, абессив, комитатив, инструктив, пролатив.

Категории степеней сравнения, присущие прилагательным, отчасти наречиям и некоторым существительным, образуются при помощи суффиксов: сравнительная степень с помощью *-mbi* (*-mma*, *-mmä*). Например: *šuri* – больш́ой, *šurembi* – больш́ий. Превосходная степень образуется с помощью *-in* (*šurin* – самый больш́ой). Превосходная степень может образовываться и аналитически при помощи вспомогательного слова *kaik-kie* – всех и *suato* – самый.

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *š(s)*, присоединяемого к гласной основе (*kolme* – три, *kolmas* – третий и т.д.). Числительные "первый", "второй" образуются супплетивно: *enzimäie*, *toine*.

Местоимения склоняются аналогично существительным, лишь склонение личных местоимений отличается глубиной фонетических изменений. В карельском языке имеются личные (*minä*, *mie* – я, *šinä* – ты, *hän*, *hiä* – он, *myö* – мы, *työ* – вы, *hyö* – они), возвратно-усилительные (*iče* – себя, сам), взаимно-возвратные (*toine toista* – друг друга), указательные (*tämä* – это, этот, *še* – тот, *moine* – такой), вопросительные (*ken* – кто?, *mi* – что?, *mütüş* – какой?, *kumbane* – который?), определительные (*kaikki* – все, *joga* – каждый, *muuven* – некоторый), отрицательные (*niken* – никто, *nimi* – ничто, *nimidä* – ничего, *nimitüş* – никакой, *ei ken* – никто, *ei mi* – ничто), неопределенные (*ken to* – кто-то, *mi to* – что-то, *mütüş to* – какой-то, *ken nibuit* – кто-нибудь, *midä bui* – чего-нибудь, *mütüş bui* – какой-нибудь, *kuda ken* – кое-кто, *kuda midä* – кое-что) местоимения.

Грамматические категории глагола выражаются суффиксально. Лично-числовыми маркерами выступают: 1-е лицо ед. ч. – *n*, 2-е лицо ед. ч. – *t*, 3-е лицо ед. ч. – удлинение гласной основы; 1-е лицо мн. ч. – *mma*(*mmo*), *mmä*(*mmö*), 2-е лицо мн. ч. – *tta*(*ttä*), *tto*(*ttö*), 3-е лицо мн. ч. – *ho*. Глагол имеет четыре формы времени – пре-

зенса, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Презенс и имперфект – простые времена. Настоящее время не имеет формального показателя. Имперфект образуется с помощью суффикса *-i*. Перфект и плюсквамперфект – сложные времена. Перфект, кроме 3-го лица мн. ч., образуется с помощью вспомогательного глагола *olla* – “быть” в форме презенса (*olen, olet, on, olemma, oletta*) плюс причастие прошедшего времени на *-nun (-nün)*, *-n*. 3-е лицо мн. ч. образуется при помощи вспомогательного глагола *olla* – “они есть” в личной форме 3-го лица мн. ч. (*ollah* – они есть) плюс имперсональное причастие на *-tu (-ty), -ttu (-tty), -du (-dy)*. Плюсквамперфект образуется аналогично, лишь вспомогательный глагол стоит в форме имперфекта.

В значении будущего времени употребляются формы настоящего времени, а также аналитические конструкции, образующиеся при помощи вспомогательных глаголов *lietä, ruveta* – стать, быть.

В карельском языке имеются четыре формы наклонения – индикатив, кондигионал, потенциал и императив. Индикатив показателя не имеет и реализуется в четырех формах времени: презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. Кондигионал маркируется суффиксом *-izi (-zi, -is)*, потенциал – суффиксом *-nne/-ne* и имеют формы презенса и перфекта.

Карельский глагол имеет два инфинитива: *t*-овый и *m*-овый.

Активные причастия настоящего времени на *-va (-vā)*, выражающие длительное действие, перешли в разряд прилагательных и имеют полную парадигму склонения (*elävā* – живой, живущий, *palava* – горячий, горящий). Вместо них употребляются отглагольные имена действителя на *-ja (-jä), -i*, также перешедшие в разряд именных частей речи (*kozzoja* – сватающий, *kuolie* – усопший). Пассивные причастия на *-va (-vā)* (*süödävā* – съедобный, *müödävā* – продажный) ведут себя аналогично прилагательным. Лишь в аналитических глагольных формах употребляются активные причастия на *-nun (-nün)*, *-n* (*puittun* – кулун) и пассивные на *-tu/-ty, -ttu/-tty, -du/-dy*, первые из которых употребляются в образовании форм 1-го, 2-го, 3-го лица ед. ч. и 1-го, 2-го лица мн. ч. перфекта и плюсквамперфекта, вторые – форм 3-го лица мн. ч. тех же временных форм.

Типичный строй простого предложения – номинативный. Простое предложение может быть односоставным и двусоставным. В простых предложениях часто отсутствует подлежащее. Подлежащее может быть тотальным (целостным) и парциальным (частичным). Падежом выражения тотального субъекта является номинатив, а парциального – партитив. Сказуемое может быть и именным.

Порядок слов в предложении относительно свободный. Обычно в начале предложения находится подлежащее, за ним следуют сказуемое, дополнение и обстоятельство. Однако в начале предложения может находиться любой из членов предложения в зависимости от логического ударения. Вопросительное предложение конструируется из вопросительных местоимений, частиц “ли” и наречий и интонационно. Структура сложного предложения осложнена разного рода пояснительными и свободными оборотами. По синтаксическим связям выделяются союзные и бессоюзные, простые и сложноподчиненные предложения. При бессоюзном соединении частей в сложное целое синтаксическая связь выражается интонационно и порядком следования частей. Подчинительные связи в союзных сложных предложениях маркируются союзами разных значений или относительными словами местоименного происхождения. В немаркированных сложноподчиненных предложениях синтаксическая связь между частями выражается порядком следования частей и интонацией.

РАЗВИТИЕ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Первый письменный текст на карельском языке известен исследователям, благодаря одной из найденных в новгородских раскопках берестяных грамот (№ 292), датированной XII–XIII вв. Запись сделана кириллицей и содержит заклинание от молнии. В переводе это звучит так:

Божья стрела (молния),
десять имен твоих.
Стрела та она принадлежала богу,
Бог судный направляет.

Первая попытка создать карельскую письменность относится к XVI в. и связана с миссионерской деятельностью православной церкви в Карелии. По сообщению голландского путешественника Симона ван Салингена, посетившего Карелию в 1566–1568-е годы, монах из Кандалакши Федор Чудинов “слыл за русского философа и историка, так как написал историю Карелии и Лапландии” и “рискнул изобрести письма для карельского языка, на котором никогда

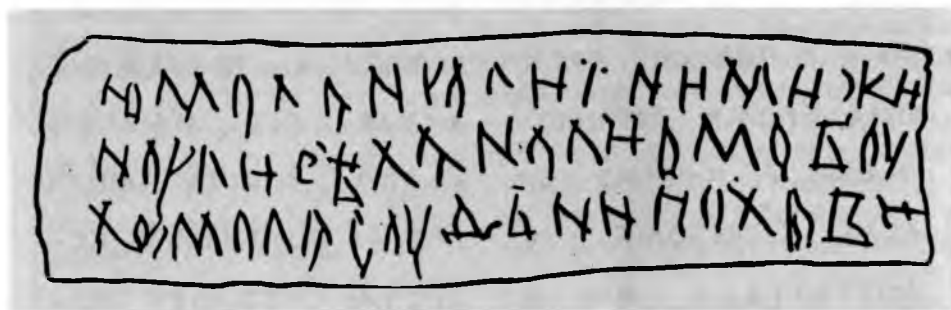

Рис. 40. Новгородская берестяная грамота № 292 (на карельском языке заклинание от молнии, XII–XIII вв.)

(раньше) не писал ни один человек” (цит. по: Очерки... Т. 1, 1957. С. 102). К сожалению, “письмена” эти не дошли до наших дней.

Началом XVII в. исследователи датируют 11 текстов людиковских заговоров из рукописного сборника, написанного русской скорописью XVI–XVII вв. Специальный лингвистический анализ текстов показал, что это заговоры от острого приступа боли, от порчи, от укуса змеи, для успеха в промыслах, удачи на охоте и т.д. (Баранцев, 1984; 1987). В числе ранних памятников карельского языка следует назвать работу П.С. Палласа “Сравнительные словари всех языков и наречий”, изданную в 1787–1782 гг. и содержащую более 270 карельских слов.

Из чисто практических соображений в 1871 г. параллельно на русском языке и ливвиковском диалекте карельского языка (на кириллице) был издан “Наказ полицейским и десятским” (“Прикоазу (кяскенду) полической сотскойлэ и кюмменнэзкойлэ”), в котором изложены общие обязанности полицейских сотских и десятников, их обязанности по охране общественного спокойствия, порядка, благочиния и общественной безопасности, по предупреждению и пресечению преступлений, по соблюдению правил торговли. Им полагалось оказывать содействие разным должностным лицам, в частности – “... анна нарядитахъ обувательской подводить” (наряжать обывательские подводы). В Приложении описаны случаи, относящиеся к обязанностям полиции, и статьи наказа.

Запрещаетъ , чтобъ Кѣдлабъ , мѣдлабъ
 ꙗко нѣкомѹ нѣкакѡмъ не мнѣя нѣкѣмѣ нѣмѣдѣ
 дѣлабъ Обѣды , нѣ енѣлабѣнѣхъ Обѣда
 трѣзъ салѣго сѣбѣ нѣ нѣкѣсѣ нѣчѣдѹ нѣчѣ
 трѣзъ дрѹгѣхъ , нѣ дѣ нѣкѣсѣсѣ тонѣсѣ ,
 ломъ , нѣ мѣсѣтѹ , но нѣ аѣлабъ , нѣ мѣлабъ ,
 пѣчѣ кѣждѣго ѿ всѣхъ а енѣлабѣнѣ еѣкѣштѹ
 кѣсѣ гѣрѣда ѿбѣрѣгѣлабъ кѣкѣсѣсѣ пѣгѣсѣ вѣрдѣнѣ
 бѣ , нѣ потѡмѹ вѣлабѣнѣ чѣнѣнѣхъ , нѣ сѣдѣлабѣ
 прѣдъ бѣгомъ грѣшнѡ , аѣлабъ еѣсѣ нѣмѣлабъ
 телѡвѣка кѣкѣнѣмъ нѣ рѣхѣкѹ мѣкѣштѹ мнѣхъ
 бѣдѣ сѣбразѡмъ сѹ нѣбѣсѣсѣ поряднѣлабъ кѡ
 мѣртѣнѣтѣ , нѣнѣ кѣ лѣтѣтѣ , лѣбо сѣхъ лѣдѣ
 томѹ подѣтѣ сѡвѣтѣтѣ , дѹмѹ лѣсѹ , лѣо тѣ
 помѡчѣ , нѣнѣ до пѣндѣхъ пѣгѣ лѣсѣкѣ ,
 оѹбѣнѣсѣтѣ , вѣрѣдѣ до нѣпрѣмѣтѣрѣ : тѣдѣ пѣгѣ
 пѣхѣстѣнѣтѣ , нѣ прѣмѣтѣрѣ : мѣмѣ , еѣнѣ доносѣсѣ ,
 знѣтѣ хѣдѡнѣ оѹмѣнѣсѣлабъ , лѣбо вѡрѣнѣ нѣчѣлабѣ пѣнѣ
 а не доносѣнѣтѣ , нѣнѣ тѣ , лѣбо нѣхѣтѣ тѣо
 вѡрѡвѣсѣ оѹ сѣбѣ сѣкрѣвѣтѣ , рѣнѣ еѣнѣ еѣрѡнѣтѣ лѣбо
 нѣнѣ

Рис. 41. Страница Катехизиса на карельском языке

Некоторую роль в распространении грамоты и карельской письменности сыграла православная церковь. Стараясь укрепить православную веру среди карел, церковь стала публиковать духовную литературу на языке паствы. Так, в 1804 г. Синод опубликовал на церковнославянском языке с переводом на "олоонецкий язык", т.е. ливвиковский диалект карельского языка, "Перевод некото-

рых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык”. Священники Тверской духовной семинарии написали для карельской паствы на карельском языке с помощью русского алфавита текст исповеди. Среди старинных письменных памятников карельского языка – перевод Евангелия от Матфея, сделанный учителем Новоторжского училища М.А. Золотинским и священником Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Г.Е. Введенским, записанный на основе русского алфавита (1820 г.). Добавленные к нему 13 букв позволяли передать своеобразие карельской речи. Всего в графической системе перевода Евангелия использовано 43 знака (*Баранцев, 1967*).

Через 50 лет в Петербурге на русском и карельском языках (на ливвиковском диалекте) был издан “Карело-русский молитвенник для православных карелов”, составленный Е.И. Тихоновым, и “Начала христианского учения на карельском и русском языках” А. Логиновского (1882 г.). В настоящее время молитвенник Тихонова считается лучшим по орфографии печатным изданием на одном из ливвиковских диалектов карельского языка, а именно на сямозерском говоре. В течение 1895–1897 гг. для карел Кемского уезда Архангельский епархиальный комитет издал несколько духовных брошюр. Благодаря усилиям того же епархиального комитета в 1895–1897 гг. были изданы на карельском языке “Краткая священная история Ветхого и Нового Завета”, Евангелия от Матфея, от Марка и от Иоанна (*Баранцев, 1967*); в 1921 г. вышло новое издание Евангелия от Иоанна. В 1917 г. на ливвиковском диалекте (на кириллице) было подготовлено “Первое соборное послание апостола Петра” – “ПСКан Апостолан Педрин энзимайнэ керахмõхинэ кирьяйнэ” (пять разделов), затем “Второе” – “ПСКан Апостолан Педрин тойнэ керахмõхинэ кирьяйнэ” (три раздела). Позаимствовав составленную комитетом систему орфографии, Карельское православное братство в начале XX в. издало на ливвиковских говорах более 30 книг и брошюр религиозного содержания.

В конце XIX в. в некоторых волостях с карельским населением стали открываться и школы для карел. Для облегчения освоения карельскими детьми русской грамоты учительница Толмачевской школы А. Толмачевская по просьбе тверского земства составила карельско-русский словарь “Родное карельское” (на кириллице), который был издан в 1887 г. Аналогичная “Азбука для карелов, живущих в Кемском уезде Архангельской губернии” М.А. Усердова, Н.К. Дьячкова и Н. Преображенского была опубликована в 1894 г. в Архангельске. В “Азбуку” были включены упражнения для чтения и тексты молитв на карельском и русском языках. С конца XIX в. заметно активизируются сбор и публикация карельского фольклора тверских карел. В начале XX в. учительница Бежецкого уезда М.В. Михайловская отправила в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Российской Академии наук свое исследование по карельскому фольклору, которое вышло в свет в 1925 г. (*Баранцев, 1967; Головкина, 1997*).

В помощь учителям, работающим в школах южной Карелии, так же начинаются подготовка и издание учебных пособий. Учителем святозерской школы М. Георгиевским в 1908 г. впервые издается небольшой “Русско-карельский словарь” (53 стр.) с предисловием академика Ф.Ф. Фортунатова. Инициатива М. Георгиевского была поддержана учителем видлицкой школы В. Королевым, также составившим “Русско-карельский словарь”, который вышел в свет в 1913 г. (74 стр.). Основным назначением таких работ было облегчить ознакомление карел с русской письменностью (*Баранцев, 1967. С. 93–94*).

В конце XIX в. уроженец д. Сямозеро, М. Смирнов сделал попытку написать по-карельски стихи. Автор, назвавший себя первым карельским поэтом, писал:

“самолюбие подстегнуло меня испробовать, доступно ли карельскому языку хотя какого-либо рода стихосложение” (Голос карела, 1890. С. 311). Им было написано при помощи русской графики шесть лирических стихотворений. Его язык сохранял особенности ливвиковского диалекта карельского языка. Другой подвижник карельской письменности, уроженец с. Святозеро, известный этнограф Н.Ф. Лесков в журнале “Живая старина” в 1891–1905 гг. опубликовал на кириллице ряд образцов народно-поэтического творчества карел (Алто, 1997. С. 8).

Огромная работа по изучению карельского языка, его диалектов была проведена финским лингвистами. Считается, что родоначальником изучения диалектов карельского языка был финский лингвист А. Генетц. В его работе “Рассказ о волости Суоярви и моих путешествиях там” (*Genetz*, 1870) дана краткая характеристика грамматики языка суоярвских карел, содержатся тексты и словарь примерно в 4,5 тыс. слов. Вторая его публикация посвящена сравнительно-сопоставительному описанию речи карел-людиков с приложением 24 страниц оригинальных текстов. Образцы людиковской речи публиковались в Финляндии и в более позднее время: в 1934 г. был издан сборник, подготовленный Х. Оянсуу, Ю. Куела, Ю. Калима и Л. Кеттуненом, объемом 300 страниц с переводом на финский язык. В 1932–1936 гг. Э. Лескинен опубликованы тексты речи калининских и новгородских карел (I том), карел-ливвиков (II том), средних и северных карел (III том) (подробнее см.: *Зайков*, 1992).

Огромную работу по сбору и публикации фольклорно-лингвистических материалов карел-людиков и тверских карел провел финский лингвист П. Виртаранта: в 1963–1984 гг. им были изданы пять томов текстов людиковского диалекта карельского языка, ряд книг о тверских и беломорских карелах. В 1944 г. под редакцией Ю. Куела издается объемный (500 стр.) “Словарь людиковских диалектов”, в 1947–1950 гг. – “Словарь салминского говора карельского языка” П. Похьянвало с приложением списка топонимов, личных имен и фамилий карел (*Зайков*, 1992). В настоящее время в Финляндии завершается работа по изданию словаря карельского языка в шести томах.

В СССР значительное количество материалов по карельскому языку было собрано в связи с разработкой карельской письменности уже в 1930-е годы (см. “Языковые процессы в XIX–XX вв.” раздела “Карелы” настоящего издания). Так, в Тверской области в то время на карельском языке в общей сложности было издано более 100 различных учебных пособий и книг. Значительные усилия по подготовке учебных пособий по карельскому языку предпринимались и в Карелии. Терминологической комиссией Карелии в 1939 г. для школ республики был подготовлен на карельском языке так и не вышедший из печати терминологический справочник по восьми разделам (география, ботаника, биология, математика и т.д.). При всей непродолжительности этого периода публикации литературы на карельском языке (переводы и оригинальные стихи, образцы народно-поэтического наследия карел и т.д.) она воспитывала у народа интерес и вкус к родному языку.

Усилиями исследователей и в послевоенный период накапливались знания о народной культуре и языке карел. Значительное внимание уделялось публикации образцов карельской речи, изданию словарей, пополнению магнитофонных записей. В 1960–1990 гг. изданы, в частности, “Образцы карельской речи”, подготовленные Г.Н. Макаровым, В.Д. Ряговым, А.П. Баранцевым. Изданы словари карельского языка: словарь карельского языка (ливвиковский диалект) (*Макаров*, 1990), и словарь карельского языка (тверские говоры) (*Пунжина*, 1994), а также диалектологический атлас карельского

языка (Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997). Подготовлен к изданию “Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков” под редакцией Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой. В связи с воссозданием карельской письменности в последние годы опубликован ряд букварей, учебников, словарей и хрестоматий (составители Л.Ф. Маркианова, П.М. Зайков, М.М. Орлов и др.).

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В XIX – XX вв.

В XIX – начале XX в. родной язык был главным средством общения карел. Социальные условия дореволюционного времени не требовали от основной части карельского населения знания русского языка. Большинство карел жили в сельской местности, причем компактными массивами. Так, из 78,6 тыс. карел Олонецкой губернии свыше 98% жили в сельских поселениях, где карелы составляли абсолютное большинство (Первая Всеобщая перепись населения..., 1897 г. Т. XXVII; *Покровская*, 1974). Ряд волостей Тверской губернии (Залазинская, Трестенская, Козловская) были по национальному составу почти сплошь карельскими; наибольшей концентрацией карельского населения отличались Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Лихославльский, Максатихинский и Спировский ареалы (*Виноградов*, 1989. С. 23–24; К изучению этнической культуры карел..., 1990. С. 159–161).

В однопациональной среде, при преобладании внутриэтнических брачных, соседских, межпоселенческих связей знание языка соседних народов не было необходимым. Карел, знающих два языка, насчитывалось сравнительно мало. В начале XX в. примерно лишь 10% сельских карел умели сравнительно свободно говорить, читать и писать по-русски. Русским языком владели преимущественно мужчины, освоившие его во время службы в армии или благодаря занятиям отхожими промыслами и т.п. Конечно, были и люди, прекрасно владеющие русским языком. Для двуязычия карел была характерна вариативность: для их южных групп в Карелии, а также тверских, новгородских и валдайских карел было более характерно карельско-русское двуязычие, а для северных карел Карелии – карельско-финское. Двуязычие не вытесняло родной язык, у абсолютного большинства карел родной язык и национальность совпадали.

В 1920-е годы в условиях построения советского общества бесписьменный язык карел уже не мог достаточно оперативно и эффективно обеспечивать их “вхождение” в новую систему ценностей. Создание карельской письменности стало неотложной задачей.

Первые решения советской власти в сфере национально-культурной и языковой политики были в этом плане обнадеживающими: в 1918 г. были приняты законодательные постановления о преподавании в школах обеих ступеней на родном языке, в том числе и для национальных меньшинств. Уже в 1919 г. в Карелии в ряде школ, где педагогами работали карелы, обучение шло на карельском языке.

Необходимо было создавать официальную карельскую письменность. Однако решение этой задачи натолкнулось на большие трудности. В руководящих органах Карелии в этот период большую роль играли “красные финны” – участники революции 1918 г. в Финляндии, эмигрировавшие после ее подавления в Карелию. Они, с одной стороны, впитали широко распространенные в Финляндии взгляды на карельский язык, как лишь на один из восточных диалектов финского языка, с другой – верили в неизбежность скорой революции в Скандинавских странах и Финляндии, что, в частности, снимало,

по их мнению, вопрос о необходимости развития собственной карельской письменности. Дискуссии тех лет показывают, что руководство в Карелии вопреки провозглашенному Советским правительством принципу равноправия языков стояло на позициях противопоставления языков “культурных”, имеющих письменные традиции (т.е. русского и финского), и “некультурных”, бесписьменных, к которым в данном случае оно относило карельский и вепсский языки.

Вследствие этого Первый Всекарельский съезд трудящихся (июль 1920 г.) принял резолюцию о преподавании в школах на русском или финском языках, которые именовались при этом “родными народными языками” жителей Карелии. Тот факт, что большинство населения Карелии в то время говорило на карельском языке, был просто проигнорирован. Решения съезда проводились достаточно последовательно: так, Первая губернская конференция по ликвидации неграмотности (август 1920 г.) приняла решение об обучении неграмотного карельского населения в основном на русском языке, а в Кемском уезде, учитывая близость севернокарельского диалекта к финскому языку, – на финском (Афанасьева, 1983. С. 35–36).

Политика руководства Карельской Трудовой Коммуны расходилась, таким образом, с линией, проводимой центральными органами российской власти. В частности, при заключении Тартуского договора (1920 г.), в котором затрагивалось и положение Карелии, советская делегация внесла в его текст специальный пункт о языке. В нем значилось, что карельский язык является в Карелии языком администрации, законодательства и народного просвещения, что, по существу, возводило карельский язык в ранг государственного.

В самой же Карелии упорно проводилась политика идентификации карельского языка с финским. Так, в ряде основополагающих документов писалось, что население имеет право обращаться в официальные органы на том языке, которым оно желает пользоваться, “на русском или карельском (финском)”, а все постановления и распоряжения руководящих органов должны быть опубликованы на русском и финском языках. При этом Всекарельский съезд провозгласил финский язык, наряду с русским, государственным языком Карельской Трудовой Коммуны, более того – в резолюции съезда утверждалось, что “возрождение карельской грамотности является ненужным и невыполнимым делом”. Таким образом, карельский язык не просто вычеркивался из числа “культурных языков”, но и лишался права стать им и впредь, а карелы получили возможность “свободного выбора” языка обучения – русского или финского с тем, чтобы один из них стал впоследствии и языком их культуры. Это исключало карельский язык из общественной и культурной жизни республики, лишало возможности нормального развития и было ударом по престижу карельского языка в целом.

Центральные советские власти продолжали в те годы вести политику организации просвещения на национальных языках, о чем в марте 1921 г. XI съезд ВКП(б) принял соответствующее решение. В Карелии это постановление было проигнорировано, причем со ссылкой на отсутствие карельской письменности. Второй Всекарельский съезд советов (октябрь 1921 г.) декларировал в своих решениях, что “...ведение культурно-просветительной работы среди карельского населения возможно лишь на русском и финском языках” (Красная Карелия, 1925). Мало того, Первая Карельская областная партийная конференция (март 1922 г.) охарактеризовала идею создания карельской письменности как “шовинистическую”, политически неверную и вредную, используемую для “одурачи-

вания темных масс". Она приняла решение утвердить официальный статус русского и финского языков в сфере законодательства, судопроизводства и администрации (Протокол заседания I Карельской областной партийной конференции..., 1922. С. 65–70).

Вторая Карельская областная партийная конференция, состоявшаяся осенью того же 1922 г., призывала развернуть культурно-просветительную работу в Карелии с учетом специфики ее регионов: в Ухтинском районе – на финском языке, в южных районах Карелии и среди русского населения – на русском языке, в остальных частях республики – на финском и русском.

Таким образом, карельский язык опять даже не упоминался.

В июле 1923 г. появился декрет ВЦИК, сыгравший в итоге также негативную роль в развитии языковой ситуации в Карелии. Декрет, правда, декларировал в Карелии равенство русского, карельского и финского языков. Но наряду с этим в его тексте появились такие термины, как "карело-финский народ", "карело-финский язык". Это помогало закрепить официальное положение финского языка, как языка карельского населения.

В начале 1920-х годов в волостях с карельским населением были открыты первые школы с преподаванием на финском языке. В 1923 г. в Карелии действовали уже 35 начальных школ и одна семилетняя школа с обучением на финском языке. К середине 1920-х годов в ареалах компактного расселения карел число школ с обучением на финском языке резко увеличивается. По данным переписи 1926 г., 9,2% карел республики владели грамотой на двух – русском и финском языках – и 14,3% – на финском языке (Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1, 1928. С. 135). В 1927/1928 учебном году более, чем в 55% школ первой ступени вели преподавание на финском языке. Финизация вступала в период расцвета.

Руководству республики приходилось все же в известной мере считаться с реальной ситуацией. Быстро ликвидировать неграмотность карел на неродном языке было невозможно просто потому, что большинство карел не знало ни русского, ни финского языков. По постановлению ЦИК КАССР "О национальной политике в Карелии" (1924 г.), карельский язык рекомендовалось использовать для объяснения предметов в школе, в деятельности уездных и волостных исполкомов, съездов Советов, судах карельских местностей (Советы Карелии, 1993. С. 111). С 1924/25 учебного года обучение карельских детей в 1–2-х классах предлагалось вести на карельском разговорном языке. В 1926 г. в районах с преимущественно карельским населением преподавание на карельском языке в первом классе велось уже более, чем в 60% начальных школ.

Тем не менее это не меняло направленности языковой политики в целом: сама идея создания карельской письменности в республиканской прессе продолжала характеризоваться как реакционная. Голоса тех, кто ратовал за пересмотр этого вопроса, тонули в хоре голосов, отстаивающих курс финизации. Политика вытеснения карельского языка из официальной сферы и школьного образования велась в эти годы именно в Карелии, и это было установкой именно карельского руководства тех лет. Это подтверждается, в частности, тем, что в Тверской области ситуация была совершенно иной. Там в эти годы начался эксперимент по разработке карельской письменности (Виноградов, 1989; Былинкин, 1997; Головкина, 1997; Серегина, 1997; Смирнов, 1997). В постановлении Тверского окружного исполкома Московской области (февраль 1930 г.) Окружному отделу народного образования было рекомендовано принять практические меры по переводу обучения в школах с карельским составом учащихся на

родной язык. В 1930 г. был утвержден карельский алфавит на латинской основе (автор А.А. Милорадова), в Лихославле открыто карельское педагогическое училище. В 1931 г. была создана школьная азбука и начато обучение детей на карельском языке. С этого же года стала издаваться еженедельная газета “*Kolhozoin puoleh*” (“За колхозы”), переименованная в 1935 г. в “*Karielin Tož*” (“Карельская Правда”), на страницах которой была выделена рубрика по обучению карельской письменности. Конференция карел Московской области поставила вопрос о переводе всей культурно-политической работы среди местных карел на карельский язык.

Решались вопросы и кадрового обеспечения: преподавателей карельского языка готовили на карельском отделении Тверского пединститута, в Вышневолоцком педтехникуме и на различных краткосрочных курсах.

В те же годы в Карельской АССР даже рекомендации Президиума Совета Национальностей СССР (1931 г.) по созданию карельского литературного языка и перевода на карельский язык всей деятельности в области культуры не получили поддержки партийного актива республики. Если на областных партийных конференциях 1931–1935 гг. и критиковалась языковая политика в области школьного обучения, то лишь в плане “игнорирования” русского языка в программах национальных школ. Проблемы карельского языка вообще не затрагивались.

В результате активного внедрения финского языка среди карельского населения заметно выросла прослойка трехязычного населения. По данным переписи населения КАССР 1933 г., 51% карел знал грамоту на русском, 23% на русском и финском и 26% на финском языке. Карельский язык оставался основным средством лишь внутринационального и семейно-бытового общения (Перепись населения КАССР 1933 г., 1934. С. 18–19).

Во второй половине 1930-х годов политике финизации был нанесен сильный политический удар. Практика обязательного изучения карелами финского языка была охарактеризована как проявление буржуазного национализма и подверглась осуждению. Стала проводиться усиленная кампания по распространению русского языка и наряду с этим по расширению общественных функций карельского языка. В докладной записке, адресованной в ЦК ВКП(б) (26 июля 1936 г.), Карельский обком партии признал, что обучение на финском языке в районах с преимущественно карельским населением “было грубейшим извращением национальной политики, поскольку язык южных карел настолько отличается от литературного финского языка, что большинство карел его не понимают”.

В 1937 г. Президиум ЦИК Карельской АССР принял решение о создании единого для всех групп карел Советского Союза литературного языка. Его разработка началась в конце 1936 г., и в 1938 г. карельский литературный язык был утвержден. В его основу был положен собственно-карельский диалект, т.е. диалект центральной части Карелии и тверских карел. Алфавит был основан на русской графике. Началась экстренная подготовка учебных пособий и педагогических кадров. В 1937 г. в Петрозаводске была опубликована “Грамматика карельского языка” Д.В. Бубриха, с 1938 г. по 1940 г. в республике на карельском языке издавался ежемесячный литературный журнал “Карелия”. В нем публиковались оригинальные произведения на карельском языке, фольклорные записи от известных сказителей Карелии, карельские переводы русских поэтов республики (И. Кутасов, А. Иванов и И. Иванов) и русских поэтов прошлого и советского времени. В двух выпусках журнала за 1938 г. был опубликован русско-карельский словарь.

Первая Конституция Карелии, принятая в 1937 г., определяла карельский язык как официальный язык республики. Декларировалось, что “законы, принятые Верховным Советом Карельской АССР, публикуются на карельском, финском и русском языках” (ст. 24).

Вслед за тем, в апреле 1938 г. Карельский обком партии направил И.В. Сталину письмо (с грифом “Совершенно секретно”) о необходимости исключить финский язык из числа государственных языков республики. В республике все делопроизводство, вывески, штампы, печати учреждений, издательская деятельность, преподавание в школах с карельским составом детей переводились с финского на карельский язык (Советы Карелии, 1993. С. 200–201).

Сектором культуры и быта Госплана республики было отмечено, что за 1938–1939 гг. все карельские школы в Карелии перешли на карельский язык обучения.

В июле 1937 г. постановлением Президиума ВЦИК в составе Калининской области был образован Карельский национальный округ с центром в г. Лихославле. Постановление содержало также раздел о важности создания карельского литературного языка, что должно было содействовать подготовке национальных кадров и приобщению карел к социалистической культуре. Предусматривалось, в частности, проведение просветительной работы на родном языке, выпуск в районных газетах карельских полос, развитие художественной самодеятельности, расширение сети средних школ, издание учебных пособий и т.д. В 1937 г. в Карельском национальном округе работала 101 школа на карельском языке. В них 453 учителя-карела обучали на родном языке 14997 детей. К 1938 г. число национальных школ увеличилось до 185, учителей – до 469 человек, учащихся – до 15360 человек (Былинкин, 1997. С. 55). В области готовили также карельские кадры для административной, производственной и культурной деятельности в национальном округе. К сожалению, эта работа имела трагический конец: в феврале 1939 г. в связи с сфабрикованным “карельским делом” Карельский национальный округ был ликвидирован, многие руководящие работники администрации, печати и просвещения были репрессированы.

В СССР наступили годы массовых репрессий и террора, борьбы с “врагами народа” и “неблагонадежными национальными меньшинствами”. В Карельской республике проблема статуса карельского языка приняла в это время неожиданный оборот: в 1938 г. было решено создать литературный язык новой нормы, максимально приближенной к русскому языку и освобожденной от элементов финского языка, как “языка буржуазного”. За основу нового литературного языка был взят ливвиковский диалект. В июле 1939 г. Совнарком Карелии утвердил новые правила правописания, и с осени 1939 г. обучение на этом языке вводилось в неполные средние и средние школы республики. Однако и этот литературный язык так и не успел привиться. Уже 1 сентября 1940 г. I съезд ЦК республики принял решение об отмене преподавания в школах на карельском языке. Это было частью политики внедрения русского языка во все официальные сферы, так, хотя и негласно, запрещалось использование карельского языка и в учреждениях.

С окончанием советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР. В Конституции Карело-Финской ССР 1940 г. государственными языками республики вновь утверждались только русский и финский (Советы Карелии, 1993. С. 208). Карельский об-

ком партии в числе первоочередных задач назвал подготовку кадров, владеющих финским языком, а в школы с карельским составом учащихся был вновь введен финский язык.

Почти на полвека (вплоть до 1989 г.) вопрос о карельской письменности был снят с повестки дня. Эта языковая политика воспитывала у карел отношение к родному языку как к неперспективному и непрестижному.

Таким образом, в советский период родной язык карел не мог в полной мере выполнять своего главного назначения – обеспечивать национально-культурную преемственность поколений. Карелам, как бесписьменному народу, закрывалась дорога к формированию и развитию национальных форм во многих областях профессиональной культуры. Освоение культуры нового времени шло при постепенно нарастающей утрате карелами навыков родной речи.

В республике вновь широко стала распространяться идея, что литературный финский язык может быть использован как объединяющий все диалекты карельского языка. Трактовка карельского языка как части восточнофинских диалектов использовалась для обоснования тезиса о нецелесообразности развития литературного карельского языка. В школах Карелии, особенно в северных районах, начался перевод обучения на финский язык. Внедрение финского языка вступало в явное противоречие с реальной языковой ситуацией. Подавляющая часть карел в эти годы продолжала жить в сельской местности, причем преимущественно в однонациональных поселениях. Родной язык оставался для карел основным средством внутринационального общения и играл решающую роль в сохранении национального самосознания. Карелы-горожане, недавние выходцы из деревни, также сохраняли хорошие навыки родной речи. Так, по переписи 1926 г. 76,5% карел-горожан считали родным языком карельский (Всероссийская перепись населения 1926 г., 1928). Но при этом важнейшей чертой языковых процессов 1920–1930-х годов было распространение карельско-русского двуязычия. Этому содействовали миграция карел в города, производственные контакты, рост числа национально-смешанных семей, получение на русском языке специального и высшего образования, служба в армии и т.д. Навыки русской речи закреплялись чтением печатного слова на русском языке, русским радиовещанием и т.д.

Начиная с 1950-х годов позиции русского языка в карельской среде заметно укрепляются. Этому способствовал, с одной стороны, массовый приток в места компактного расселения карел русскоязычных лесозаготовителей, с другой – отток карел в города и поселки городского типа, которые отличались многонациональностью населения. В начале 1959 г. уже 28,5% карел (в рамках СССР) родным языком признавали русский, причем среди карел-горожан и тех, кто жил вне районов компактного расселения карел, родным языком считали русский 48%. Наряду с этим большинство сельских карел (71,3%) считали родным языком карельский (табл. 1). При этом в 1950-е годы подавляющее большинство, как сельских, так и городских карел, свободно владели карельским языком. Достаточно высокий уровень знания городскими карелами родного языка поддерживался, благодаря постоянному притоку в города сельского населения (Клементьев, 1971б).

В 1960-е годы миграция карел в города и промышленные поселки приобрела массовый характер. Преобразование колхозов в совхозы, политика ликвидации мелких карельских деревень, рост промышленных предприятий в сельских областях ускорили формирование поселений с национально-смешанным составом. Тем не менее, по материалам социологического обследо-

Таблица 1

Расселение карел и родной язык, 1959 г.*

Территория	Городское население		Сельское население		Всего населения	
	абсолютная численность	%	абсолютная численность	%	абсолютная численность	%
СССР, человек	51744	30,9	115534	69,1	167278	100
Родной язык карельский	26754	51,7	92468	80,0	119222	71,3
Родной язык русский	24819	48,0	22923	19,8	47742	28,5
В том числе РСФСР	49246	30,0	114804	70,0	164050	100
Родной язык карельский	25856	52,5	92184	80,3	118040	72,0
Родной язык русский	23261	47,2	22527	19,6	45788	27,9
В том числе: КАССР	26508	31,0	58965	69,0	85473	100
Родной язык карельский	16366	61,7	52763	9,5	69129	80,9
Родной язык русский	10066	38,0	6136	10,4	16202	19,0
Калининская (Тверская) обл.	9507	16,1	49606	83,9	59113	100
Родной язык карельский	4186	44,0	37013	74,6	41199	69,7
Родной язык русский	5320	56,0	12591	25,4	17911	30,3

* Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 года. РСФСР. М., 1962. С. 110, 118, 126, 314, 340, 366, 368, 395.

вания 1969 г., в Карелии сельские карелы сохраняли достаточно высокую степень знания родного языка. Свободно умели говорить по-карельски 94%, в том числе 72,7% в возрастной группе 20–24 года и почти 97% в возрасте 50 лет и старше. Наряду с этим абсолютное большинство карел хорошо знало русский язык и у большинства карел (89,6%) родной язык и национальность совпадали: у 64,2% в возрасте 16–19 лет и свыше чем у 94% в возрасте 50 лет и старше. Карельским языком как основным средством общения в семейно-бытовой сфере чаще всего пользовались карелы старше 40 лет (примерно каждый второй), а молодежь отдавала предпочтение русскому или двум языкам. К концу 1960-х годов двуязычие в карельской среде получило дальнейшее распространение и наметилась, хотя еще и слабая, тенденция перехода на русский язык. Им карелы обычно пользовались в производственной сфере, хотя и здесь еще часто говорили на двух языках – от 33% в возрастной группе 16–19 лет до 46% в возрасте старше 50 лет. Увеличение численности карел, свободно владеющих русским языком, и рост числа карел с родным русским языком – основные тенденции языковых перемен в первые два послевоенных десятилетия. Существенное влияние на укрепление позиций рус-

Таблица 2
 Расселение карел и родной язык, 1970*

Территория	Городское население		Сельское население		Все население	
	Абсолютная численность	%	Абсолютная численность	%	Абсолютная численность	%
СССР, число карел	65546	44,9	80535	55,1	146081	100
Родной язык карельский	32963	50,3	59056	73,3	92019	63,0
Родной язык русский	32398	49,4	21355	26,5	53753	36,8
В том числе РСФСР, число карел	61720	43,7	79428	56,3	141148	100
Родной язык карельский	31645	51,3	58513	73,7	90158	63,9
Родной язык русский	29972	48,6	20867	26,3	50839	36,0
КАССР	37596	44,7	46584	55,3	84180	100
Родной язык карельский	21652	57,6	38709	83,1	60361	71,7
Родной язык русский	15882	41,2	849	16,8	23731	28,2
Калининская (Тверская) обл	9613	25,3	28451	74,7	38064	100
Родной язык карельский	4738	49,3	7501	61,5	22239	58,4
Родной язык русский	4874	50,7	10950	38,5	15824	41,6

* Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 11, 21, 29, 36, 89, 98, 99, 105, 138, 420–421.

ского языка в карельской среде оказывает рост общеобразовательной и специальной подготовки (Клементьев, 1971. С. 38–44).

Принципиальные изменения в двуязычии у карел стали происходить на рубеже 1960–1970-х годов. Часть карел, в основном работающая молодежь, считала знание русского языка более важным, чем карельского (Клементьев, 1971б; 1974). Увеличивалась и доля карел, называющих родным русский язык: по переписи населения 1970 г. она составила почти 36,8% всех карел СССР (табл. 2)

В малочисленных группах карел языковая ассимиляция шла еще быстрее: у карел Мурманской области национальность и родной язык совпадали у 50%, в Ленинграде и Ленинградской области – лишь у 32,7%.

К концу 1970-х годов карелы-горожане оказались уже в стадии такой глубокой языковой ассимиляции, при которой расхождение между национальностью и родным языком приобретало необратимый характер. По Всесоюзной переписи 1979 г., в Российской Федерации лишь 44,1% карел-горожан считали родным карельский язык, в Карелии среди горожан их было 49,2%, в Ка-

лининской области – 49,2%, в Мурманской области – 36,4%, за пределами РСФСР – 34,4%, в Ленинграде и Ленинградской области только 29%.

Языковая ассимиляция карельского сельского населения происходила значительно медленнее. Массовый опрос в Карелии (1979 г.) показал, что в то время карельским языком свободно владели 80% жителей деревни и почти 78% лиц в возрасте 16–60 лет считали его родным. Карельский язык довольно активно использовался в самых различных сферах общения, большую роль он играл, в частности, в соседских контактах: 44,5% жителей карельской деревни в беседах с соседями говорили только по-карельски и почти каждый третий перемежал русскую речь с карельской. В общении с родителями, супругами, соседями и друзьями знание карельского языка сельское население использовало на 75–95%. Лишь с детьми чаще говорили по-русски, но в каждой третьей семье мать или отец обращались к ним только по-карельски или говорили попеременно на карельском и русском языках. При этом, чем моложе были родители, тем реже они пользовались карельским языком. В конце 1970-х годов абсолютное большинство сельских детей к русскому языку приобщалось уже в дошкольном возрасте.

В 1980-е годы процесс языковой ассимиляции карел продолжал углубляться. Разговорная карельская речь, прежде насыщенная емким и точным народным словом, заметно обеднялась. Слова, заимствованные из русского языка, все чаще и чаще включались в карельскую речь, несмотря на существование карельских аналогов. Некоторые карелы, зная свой язык, стеснялись говорить на нем (Клементьев, 1992 б; 1994). Постепенно складывалась критическая национально-языковая ситуация: язык уже не связывал карела с его этническим самосознанием. По данным переписи 1989 г., лишь у 47,8 % всех карел СССР национальная принадлежность и родной язык совпадали. В пределах Карельской АССР этот показатель был выше – 54,4%, у калининских (тверских) карел он составлял 50,5%, у карел Мурманской области – 33,5%, у карел Ленинграда и Ленинградской области – 30,8%.

Существует мнение, что если половина этноса признает язык другого народа родным, то этническая ассимиляция может приобрести необратимый характер (Козлов, 1986). Городские карелы в 1989 г. уже перешли этот критический рубеж, только у сельских жителей в районах компактного расселения в Карелии и Калининской области доля карел с родным карельским языком была сравнительно высокой – около 65%. Языковую ассимиляцию дисперсно расселенных групп карел можно было оценить как глубоко продвинутой.

Таким образом, в настоящее время языковая ассимиляция у карел идет в общетническом масштабе. Современное молодое поколение карел, особенно дети, плохо владеют родной речью (Клементьев, 1992 б; 1994). Данные переписи 1989 г. четко отразили различие в выборе родного языка различными возрастными группами (табл. 3).

Таблица 3
Признание родным карельского языка, %*

Возрастные группы	Город	Село
До 6 лет	6,8	15,9
6–14	8,6	17,3
15–29	25,0	46,4
30–39	37,9	58,2
40–49	50,0	76,2
50 лет и старше	72,7	91,3

* Источник: Архив Государственного комитета Республики Карелия по статистике. Отдел статистики населения. Ф. 659.

Можно констатировать, что на конец 1980-х годов совпадение национальной принадлежности и родного языка в городах преобладало у карел только старше 50 лет, в сельской местности – в возрасте от 40 лет и старше. При такой ситуации семья, по существу, перестает выполнять одну из основных своих этносоциальных функций – обеспечение языковой преемственности поколений. Массовая языковая ассимиляция превратилась в существенный фактор смены этнического самосознания.

Сегодня в новой общественно-политической ситуации карельская интеллигенция осознала всю важность сохранения народом родного языка, как одного из факторов этнической самоидентификации. Современные задачи языкового развития заключаются в возрождении роли карельского языка начиная с создания условий для освоения детьми элементарных навыков родной речи. Поэтому основное внимание теперь сосредоточено на разрешении языковых проблем: воссоздании письменности, обучении детей родному языку, выпуске учебных пособий, издании газет на карельском языке и т.д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (В.А. Тишков, С.В. Чешко).....	5
ВВЕДЕНИЕ (Н.В. Шлыгина).....	10
ФИННОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ ПО ДАННЫМ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	19
Соматология (Г.А. Аксянова)	19
Одонтология (А.А. Зубов)	26
Дерматоглифика (Н.А. Долинова, Г.Л. Хить)	30
Краниология (В.И. Хартанович)	32

СААМЫ

Глава 1	
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ (Г.М. Керт)	39
Глава 2	
ЭТНОГЕНЕЗ СААМОВ (Г.М. Керт)	43
Глава 3	
СААМСКИЙ ЯЗЫК (Г.М. Керт)	49
Глава 4	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СААМОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (Б.И. Кошечкин)	58
Глава 5	
ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ (Т.В. Лукьянченко)	66
Глава 6	
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА (Т.В. Лукьянченко)	78
Жилище	78
Одежда	85
Пища	92
Способы и средства передвижения	95
Глава 7	
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (М.С. Куропятник)	101
Глава 8	
СЕМЬЯ И ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА (Т.В. Лукьянченко).....	108
Глава 9	
ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ.....	118
Древние религиозные представления и обряды кольских саамов (Б.И. Кошечкин)	118
Культовые места саамов в Карелии (И.С. Манюхин).....	125

Глава 10	
ФОЛЬКЛОР, МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА	136
Фольклор (<i>Г.М. Керт</i>)	136
Музыкальная культура (<i>И.К. Травина</i>)	144
Литература (<i>Г.М. Керт</i>)	145

Глава 11	
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО (<i>А.П. Косменко</i>)	148

КАРЕЛЫ

Глава 1	
ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА	160
Гипотезы происхождения карел (<i>С.И. Кочкуркина</i>).....	160
Древняя корела (<i>С.И. Кочкуркина</i>)	161
Карельские земли в XII–XV вв. (<i>С.И. Кочкуркина</i>)	168
История и расселение карел в XVI–XIX вв. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	172
Карелия в XX в. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	179

Глава 2	
КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК	185
Карельский язык и его диалекты (<i>В.Д. Рягоев</i>)	185
Основные черты карельского языка (<i>В.Д. Рягоев</i>)	189
Развитие карельской письменности (<i>Е.И. Клементьев</i>)	193
Языковые процессы в XIX–XX вв. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	197

Глава 3	
КАРЕЛЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ (<i>Н.Н. Мамонтова</i>)	207

Глава 4	
ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (<i>В.Н. Бирин</i>)	212
Демографическая ситуация в Карелии в XX в.	212
Демографическая ситуация у карел за пределами Карелии	218

Глава 5	
ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ (<i>Е.И. Клементьев</i>).....	220
Земледелие	220
Животноводство	222
Рыболовство.....	225
Охота	226
Промыслы и ремесла.....	227

Глава 6	
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	229
Традиционные формы поселений (<i>Е.И. Клементьев</i>).....	229
Поселения и жилища в XX в. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	239
Одежда и обувь (<i>Е.И. Клементьев</i> ; археологический очерк – <i>С.И. Кочкуркиной</i>).....	241
Пища (<i>Е.И. Клементьев, Р.Ф. Никольская</i>)	250
Способы передвижения и транспорт (<i>Е.И. Клементьев</i>).....	257

Глава 7	
СЕМЬЯ И ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА	260
Карельская семья в XIX–XX вв. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	260
Обряды жизненного цикла (<i>Ю.Ю. Сурхаско, Е.И. Клементьев</i>)	263